

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.62

Институт наследственного договора в российском и зарубежном праве

^{1,2} Скворцова Т.А., ¹ Романенко Н.Г., ¹ Папко Е.Б.,
¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
² Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в статье исследуется правовая природа и место наследственного договора в системе оснований наследования в российском и зарубежном праве. Показано, что введение в российское законодательство института наследственного договора трансформировало традиционную модель наследования, дополнив ее третьим основанием – наследственным договором. Обосновывается смешанный характер данного института, сочетающего признаки договора *inter vivos* и распоряжения *mortis causa*, что порождает сложности в его квалификации и соотношении с завещанием, договорами ренты и пожизненного содержания. На основе сравнительно-правового анализа германского, швейцарского и французского регулирования авторы выявляют ключевые отличия российских подходов: ослабленную связывающую силу наследственного договора, сохранение за наследодателем широкой свободы одностороннего изменения и обхода договора через прижизненные распоряжения. Сформулированы предложения по совершенствованию российского наследственного законодательства, направленные на усиление защиты ожидательных прав сторон наследственного договора. Делается вывод о необходимости частичной рецепции континентальных моделей наследственного договора при сохранении базовых принципов российского наследственного права.

Ключевые слова: наследственный договор, завещание, наследование, распоряжения на случай смерти, ожидательные права наследников, обязательственное и наследственное право

Для цитирования: Скворцова Т.А., Романенко Н.Г., Папко Е.Б. Институт наследственного договора в российском и зарубежном праве // International Law Journal. 2025. Том 8. № 8. С. 103 – 108.

Поступила в редакцию: 24 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 октября 2025 г.; Принята к публикации: 16 декабря 2025 г.

The institute of inheritance contracts in Russian and foreign law

^{1,2} Skvortsova T.A., ¹ Romanenko N.G., ¹ Papko E.B.,
¹ Rostov State University of Economics,
² Rostov State Transport University

Abstract: the article examines the legal nature and place of the inheritance contract in the system of inheritance grounds in Russian and foreign law. It is shown that the introduction of the inheritance contract into Russian legislation has transformed the traditional model of inheritance, supplementing it with a third ground – the inheritance contract. The article substantiates the mixed nature of this institution, which combines the features of an *inter vivos* contract and a *mortis causa* disposition, which creates difficulties in its qualification and correlation with wills, rent and lifetime maintenance contracts. Based on a comparative legal analysis of German, Swiss, and French regulations, the authors identify key differences in Russian approaches: the weakened binding force of the inheritance contract, the preservation of the testator's broad freedom to unilaterally change and circumvent the contract through lifetime dispositions. The authors formulate proposals for improving Russian inheritance legislation.

Keywords: inheritance contract, will, inheritance, death arrangements, expected rights of heirs, law of obligations and inheritance

For citation: Skvortsova T.A., Romanenko N.G., Papko E.B. The institute of inheritance contracts in Russian and foreign law. International Law Journal. 2025. 8 (8). P. 103 – 108.

The article was submitted: August 24, 2025; Approved after reviewing: October 21, 2025; Accepted for publication: December 16, 2025.

Введение

Реформа наследственного права, осуществлённая Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ, привела к включению в Гражданский кодекс Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) нового института – наследственного договора, закреплённого в ст. 1140.1 ГК РФ.

Тем самым модель наследования, традиционно строившаяся на дихотомии «закон – завещание», была трансформирована в триединую конструкцию: наследование по закону, по завещанию и по наследственному договору (п. 1 ст. 1111 ГК РФ).

При этом природа наследственного договора остаётся дискуссионной в доктрине гражданского права. Отечественные авторы по-разному определяют его место в системе распоряжений на случай смерти: от признания в качестве самостоятельного основания наследования и «усиления диспозитивности» наследственного права [6] до критики самой идеи «договорного оформления смерти» и попыток вернуться к монополии завещания [9].

В зарубежных правоворядках также демонстрируются различные подходы к правовому регулированию наследственных договоров.

Цель исследования – на основе анализа российского законодательства, судебной практики и зарубежных правоворядков охарактеризовать институт наследственного договора, выявить ключевые проблемы его правового регулирования и предложить направления их решения с учётом сравнительно-правового опыта.

Задачи – проанализировать нормативное закрепление наследственного договора в гражданском законодательстве России, определить его место в системе оснований наследования; провести сравнительно-правовой анализ регулирования наследственного договора (и сходных институтов) в праве Германии, Швейцарии, Франции; обобщить сложившиеся позиции судебных органов относительно наследственного договора, его конкуренции с иными распоряжениями на случай смерти и защиты ожидательных прав контрагентов; выявить ключевые проблемы правового регулирования наследственного договора в России и разработать конкретные предложения по совершенствованию законодательства с учетом зарубежного опыта.

Гипотеза – при сближении российского регулирования с континентальными моделями (германской, швейцарской) и при сохранении принципа свободы завещания возможно достижение более устойчивого баланса интересов наследодателя и наследников и превращение наследственного договора в реально восребованный институт наследственного права в России.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили: нормы российского наследственного права (прежде всего ст. 1111, 1118, 1130, 1140.1 ГК РФ), положения зарубежных правоворядков (Гражданское уложение Германии [2], Швейцарский гражданский кодекс [3], Гражданский кодекс Франции [4]), а также судебные акты Верховного Суда РФ, затрагивающие вопросы применения наследственного договора.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-правовые методы в том числе, диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный.

Результаты и обсуждения

Статья 1140.1 ГК РФ определяет наследственный договор как соглашение наследодателя с лицом (лицами), которое может призываться к наследованию, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к сторонам договора либо к указанным в нём третьим лицам. Договор заключается в нотариальной форме, не может быть «закрытым», удостоверенным в особом порядке либо при чрезвычайных обстоятельствах.

В отличие от завещания, наследственный договор имеет договорную структуру: он является дву- или многосторонней сделкой, а его содержание может включать взаимные имущественные и неимущественные обязанности сторон, исполняемые как при жизни наследодателя, так и после его смерти. Отсюда возникает

вопрос о совмещении в одном институте признаков распоряжения на случай смерти (*mortis causa*) и «классического» гражданско-правового договора *inter vivos*.

Д.Н. Кархалев подчёркивает, что наследственный договор выступает третьим, самостоятельным основанием наследования, имеющим приоритет по отношению к наследованию по закону и по завещанию: при совпадении предмета договор вытесняет завещание, а при конкуренции нескольких договоров учитывается первый по времени [6]. Такая конструкция, по мнению названного автора, повышает степень предсказуемости распределения имущества и позволяет наследодателю «жёстче» закрепить избранную модель наследования.

Иная линия доктрины рассматривает наследственный договор как модифицированное завещание – «завещание под условием» – с элементами обязательственного отношения [7]. Подчёркивается, что ключевой момент – переход прав на имущество – по-прежнему привязан к факту смерти, а при жизни наследодателя контрагент фактически обладает лишь ожидательными правами. В.М. Власова справедливо указывает, что, несмотря на договорную форму, отношения, возникающие из наследственного договора, «поглощаются» наследственным правом: к ним применяются общие положения о наследовании, включая правила об обязательной доле и наследниках по закону [5].

Отдельное направление дискуссии связано с оценкой морального и ценностного измерения института. В.А. Коган обращает внимание на то, что наследственный договор в российской редакции наследует германской доктрине, для которой характерна высокая степень «контрактуализации» смерти, что традиционно подвергалось критике в романской правовой семье как противоречащее добрым нравам [8]. При этом автор обоснованно отвергает эффектную, но некорректную характеристику С.Л. Будылина – «договор с покойником», подчёркивая, что на момент заключения соглашения обе стороны живы, дееспособны и действуют в условиях нотариального контроля [9].

В сумме можно констатировать, что российский наследственный договор представляет собой смешанный институт: по форме и механизму заключения – гражданско-правовой договор, по целевой функции и моменту наступления основного правового результата – распоряжение на случай смерти.

Системное место наследственного договора в России определяется, во-первых, его соотношением с завещанием; во-вторых, с договорами пожизненного содержания с иждивением и рентными конструкциями.

По общему правилу наследодатель вправе распорядиться имуществом на случай смерти либо посредством завещания, либо посредством наследственного договора (п. 1 ст. 1118 ГК РФ). Особенность института заключается в том, что при совпадении предмета завещания и наследственного договора преимущество отдано именно договору. Как справедливо отмечает Г. Рябчиков, «он отменяет ранее составленное совместное завещание супругов, в то время как указанное завещание таким свойством не обладает и не отменяет заключенный наследственный договор» [7], что должно компенсироваться более жёсткими требованиями к его форме и содержанию.

Ещё одна специфика российской модели – правило о конкуренции нескольких наследственных договоров. В отличие от завещаний, где действует принцип приоритета последнего по времени акта (п. 2 ст. 1130 ГК РФ), при множественности наследственных договоров по одному и тому же имуществу применению подлежит первый из заключённых. Это решение законодателя неоднозначно: с одной стороны, оно укрепляет стабильность правового положения первого контрагента; с другой – ограничивает свободу наследодателя пересматривать свои имущественные планы, что может вступать в противоречие с принципом свободы завещания и динамикой семейных отношений.

Сравнение наследственного договора с договорами пожизненного содержания выявляет ещё одно принципиальное отличие. В рентных конструкциях (пожизненное содержание с иждивением, пожизненная рента) переход права собственности на имущество осуществляется при жизни отчуждателя, а его смерть – лишь прекращает обязательство по содержанию. В наследственном договоре, напротив, право собственности сохраняется за наследодателем до момента открытия наследства.

Таким образом, наследственный договор в России занимает промежуточное положение между завещанием и прижизненными договорами по отчуждению имущества.

Сравним российский институт наследственного договора со сходными правовыми конструкциями в зарубежных правопорядках. Прежде всего возьмем право Германии. Исторически прообразом российского наследственного договора здесь выступает германский Erbvertrag. Как отмечает В.А. Коган, регулирование наследственного договора в Германии восходит ещё к Баварскому гражданскому кодексу 1756 г. и Общему земельному праву прусских государств 1794 г. [8], а в действующем Гражданском Уложении Германии (BGB) институт закреплён в §§ 1941, 2274-2302.

Немецкий Erbvertrag обладает рядом отличительных черт:

- заключение возможно только в нотариальной форме в присутствии свидетелей;
- наследодатель, как правило, лишён права одностороннего отказа от договора а его изменение либо расторжение допускается только по соглашению сторон или при наличии специально предусмотренных законом оснований;
- заключение наследственного договора нередко влечёт ограничение права наследодателя распоряжаться имуществом *inter vivos*, если соответствующие акты направлены на обход договора;
- права контрагента наследодателя защищаются посредством специальных исков о признании недействительными сделок, совершённых в обход наследственного договора.

Именно высокая степень «обязывающего» воздействия договора на будущую судьбу имущества стала причиной обвинений германской модели в «аморальности», о чём пишет не только немецкая доктрина, но и отечественные авторы, анализирующие исторические споры вокруг *Erbvertrag* [10].

Швейцарский гражданский кодекс (ZGB) допускает заключение наследственного договора (*Erbvertrag, Vertrag zugunsten Dritter auf den Todesfall*) в нотариальной форме с участием двух свидетелей (ст. 494 ZGB и след.). Изменение или расторжение договора возможно только по взаимному согласию сторон; односторонний отказ строго ограничен. Кроме того, швейцарское право содержит специальные правила о недействительности дарений и иных прижизненных распоряжений, несовместимых с наследственным договором, если они нарушают охраняемые ожидательные права контрагента [11].

Иная картина складывается во французском праве. Классическое французское право исходило из запрета договоров о будущей наследственной массе (*pactes sur succession future*) как противоречащих публичному порядку и добрым нравам. Только реформой 2006 г. были введены ограниченные исключения, допускающие заключение отдельных видов наследственных соглашений – прежде всего для обеспечения прав нетрудоспособных детей или передачи семейного бизнеса. Французская модель исходит из того, что «контрактуализация» наследования допустима лишь в узких, специально легитимированных законом сферах, с жёстким контролем за содержанием и последствиями соглашений.

Итак, сравнительный анализ показывает, что российский законодатель заимствовал само название и общую идею наследственного договора, но не воспринял ни германской «жёсткости», ни французской сдержанности. В результате институт оказался концептуально «подвешенным» между обязательственным договором и завещанием, что влечёт значительные проблемы правового регулирования.

Российская судебная практика по наследственному договору пока немногочисленна, но отдельные решения Верховного Суда РФ уже задают правоприменительные позиции.

Так, в Определении от 30.01.2024 № 5-КГ23-139-К2 (УИД 77RS0006-01-2020-004659-45) Верховный Суд, разрешая спор о действительности завещания, составленного в иностранном государстве, подробно проанализировал коллизионные нормы о наследовании (ст. 1224 ГК РФ). В п. 94 определения Суд указал, что к отношениям по наследованию, осложнённым иностранным элементом, относятся, в числе прочего, вопросы о «возможных основаниях перехода имущества по наследству (завещание, непосредственно закон, наследственный договор, дарение на случай смерти и др.)», тем самым поставив наследственный договор в один ряд с завещанием и иными распоряжениями *mortis causa* при определении применимого права.

Кроме того, в научной литературе отмечается значение Определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 июля 2022 г. № 5-КГ22-51-К2 и от 12.12.2023 № 18-КГ23-167-К4, в которых рассматриваются вопросы расторжения наследственного договора и оценки отчуждения существенной части имущества как существенного изменения обстоятельств. По мнению Л.И. Поповой, Верховный Суд исходит из необходимости соблюдения баланса между интересом наследодателя свободно распоряжаться имуществом и ожидательными правами контрагентов по наследственному договору; при этом широкие дискреционные полномочия судов по квалификации поведения наследодателя оставляют пространство для дальнейшей доктринальной критики [12].

В целом можно сделать вывод о том, что в России правоприменитель лишь начинает вырабатывать критерии соотношения наследственного договора с иными основаниями наследования, а также стандарты защиты интересов контрагентов и третьих лиц. При этом наиболее фундаментальной проблемой выступает на наш взгляд, несоответствие между договорной конструкцией наследственного договора и слабостью юридических позиций контрагентов наследодателя. Российская редакция ст. 1140.1 ГК РФ сохраняет за наследодателем широкое право одностороннего изменения и прекращения договора, а также право отчуждать имущество, являющееся его предметом, без согласия контрагента. Это делает ожидательные права потенциальных наследников во многом иллюзорными и смещает баланс в пользу наследодателя. Показательно, что в зарубежных правопорядках – прежде всего в Германии, и Швейцарии – наследственный договор обладает реальной связывающей силой: односторонняя отмена либо существенно ограничена, либо требует

специальных оснований; при этом правовая система предусматривает механизмы защиты контрагента от обхода договора посредством прижизненных распоряжений.

Представляется, что российскому законодателю следует переосмыслить модель «сверхсвободы» наследодателя в рамках наследственного договора, укрепив защиту ожидательных прав наследников. Возможным направлением реформы может быть:

- установление запрета на отчуждение имущества, являющегося предметом наследственного договора, без согласия контрагента, по аналогии с украинским запретом регистрации перехода права собственности на недвижимость, обременённую наследственным договором;

- ограничение права одностороннего отказа наследодателя от договора перечнем закрытых оснований (существенное нарушение контрагентом своих обязанностей, невозможность исполнения, грубое изменение обстоятельств), с обязательной компенсацией затрат и потерь контрагента;

- закрепление в ГК РФ прямого права контрагента требовать признания недействительными сделок, совершённых наследодателем в обход наследственного договора, если доказано злоупотребление правом и умышленное причинение вреда ожидательным правам.

Такие изменения, внесенные в ст. 1140.1 ГК РФ позволили бы приблизить российский институт к германо-швейцарской модели, не подрывая при этом принципа свободы завещания: наследодатель сохранял бы возможность избрать завещание, если не желает связывать себя договором.

Выводы

Итак, можно заключить, что цель работы выполнена, поставленные задачи успешно реализованы, а выдвинутая гипотеза нашла своё подтверждение.

Институт наследственного договора, закреплённый в ст. 1140.1 ГК РФ, представляет собой значимую новеллу российского наследственного права, ориентированную на расширение диспозитивности распоряжений на случай смерти и сближение отечественной модели с континентальными правопорядками.

Анализ законодательства, судебной практики и доктрины позволяет сделать следующие ключевые выводы.

Во-первых, наследственный договор в российском праве имеет смешанную правовую природу: он сочетает признаки договора *inter vivos* и распоряжения *mortis causa*, что обуславливает сложное соотношение с завещанием, совместным завещанием супругов и договорами пожизненного содержания.

Во-вторых, сравнительно-правовое исследование показывает, что российская модель лишь частично восприняла германский и швейцарский опыт, сохранив для наследодателя чрезмерную свободу одностороннего изменения и прекращения договора и практически не обеспечив защиту ожидательных прав контрагентов. В отличие от Германии и Швейцарии, где наследственный договор обладает высокой связывающей силой и обеспечивается запретами на отчуждение имущества и специальными исками, российский вариант остаётся во многом «усиленным завещанием», а не подлинным договором о наследовании.

В-третьих, анализ судебной практики свидетельствует о постепенном признании наследственного договора самостоятельным основанием наследования и о попытках судов выработать баланс между интересами наследодателя и контрагентов. Однако правовые позиции Верховного Суда пока фрагментарны и не снимают доктринальных противоречий.

Представляется, что преодоление проблем, возникающих в российском праве при возможно только путём точечной, но концептуально выверенной корректировки ст. 1140.1 ГК РФ: ограничения права одностороннего отказа наследодателя, введение запрета на отчуждение имущества, охваченного договором, без согласия контрагента, установления специальной защиты ожидательных прав.

Такая реформа позволит приблизить российский институт наследственного договора к лучшим образцам континентального права, сохранить необходимый баланс интересов наследодателя и наследников, и тем самым превратить наследственный договор из формальной новеллы в реально востребованный институт наследственного права.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.
2. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII-XIX, 1-715.
3. Гражданский кодекс Швейцарии (Schweizerisches Zivilgesetzbuch, ZGB). URL: <https://www.swissrights.ch/gesetze/ZGB-EN> (дата обращения: 15.08.2025)
4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4 – 592.

5. Власова М.А. Некоторые вопросы применения наследственных договоров в России // Наследственное право. 2024. № 3. С. 17 – 20.
6. Кархалев Д.Н. Наследственный договор // Нотариус. 2020. № 2. С. 32 – 36.
7. Рябчиков Г. Наследственный договор вместо завещания // Юридический справочник руководителя. 2022. № 3. С. 79 – 85.
8. Коган В.А. Наследственный договор как моральная проблема юриспруденции // Современное право. 2024. № 3. С. 92 – 97.
9. Будылин С.Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Закон. 2017. № 6. С. 32 – 43.
10. Путинцева Е.П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 23 с.
11. Пучков О.А., Пучков В.О. Наследственный договор как особый институт гражданского права иностранных государств: общая характеристика и проблемы правового режима // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). С. 34 – 39.
12. Попова Л.И. Актуальные проблемы наследственного договора // Вестник экономики и права. 2024. № 95. С. 184 – 192.

References

1. Part Three of the Civil Code of the Russian Federation of November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation. December 3, 2001. No. 49. Article 4552.
2. Civil Code of Germany: Introductory Law to the Civil Code. 4th ed., revised. Moscow: Infotropic Media, 2015. P. VIII-XIX, 1-715.
3. Swiss Civil Code (Schweizerisches Zivilgesetzbuch, ZGB). URL: <https://www.swissrights.ch/gesetze/ZGB-EN> (date of access: 08.15.2025)
4. French Civil Code (Napoleonic Code). M.: Infotropic Media, 2012. P. 4 – 592.
5. Vlasova M.A. Some Issues of Application of Inheritance Contracts in Russia. Inheritance Law. 2024. No. 3. P. 17 – 20.
6. Karkhalev D.N. Inheritance Contract. Notary. 2020. No. 2. P. 32 – 36.
7. Ryabchikov G. Inheritance Contract Instead of a Will. Legal Handbook for Managers. 2022. No. 3. P. 79 – 85.
8. Kogan V.A. Inheritance Contract as a Moral Problem of Jurisprudence. Modern Law. 2024. No. 3. P. 92 – 97.
9. Budylin S.L. Contract with the Deceased. Inheritance Law Reform in Russia and Foreign Experience. Law. 2017. No. 6. P. 32 – 43.
10. Putintseva E.P. Death Instructions under the Legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ekaterinburg, 2015. 23 p.
11. Puchkov O.A., Puchkov V.O. Inheritance Contract as a Special Institution of Civil Law of Foreign States: General Characteristics and Problems of the Legal Regime. Law and Order: History, Theory, Practice. 2016. No. 3 (10). P. 34 – 39.
12. Popova L.I. Current Issues of Inheritance Contract. Bulletin of Economics and Law. 2024. No. 95. P. 184 – 192.

Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, профессор, Ростовский государственный университет путей сообщения; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), tas242@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9605-0966>,

Романенко Н.Г., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), nikolajromanenko@yandex.ru

Папко Е.Б., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), zhigalko200@mail.ru

© Скворцова Т.А., Романенко Н.Г., Папко Е.Б., 2025